

Этническая мобилизация и процесс регионализации: формы и механизмы*

А.В. КАЧКИН

Статья посвящена проблемам, связанным с феноменом этнической мобилизации. На примере Среднего Поволжья показывается, какие условия приводят к мобилизации этнической группы, анализируются этапы этнической мобилизации. В условиях общероссийского системного кризиса возникают различные стратегии индивидуальной и коллективной социальной адаптации. Среди наиболее распространенных адаптационных моделей выделяется усиление групповой солидарности. Стратегия поведения народов Поволжья свидетельствует о различии их мобилизационного потенциала. Необходима взвешенная региональная политика, позволяющая избегать конфликтные ситуации, а также обеспечивающая консенсус государственных и этнических интересов.

Введение

Феномен регионализации субъектов Российской Федерации оценивается неоднозначно. Достаточно сказать, что нет единого определения самого понятия «регионализм»; различные исследователи под этим названием понимают совершенно разные явления и процессы. Одни редуцируют регионализм к формированию и деятельности региональных политических или иных элит. Другие подразумевают под регионализмом складывающиеся формы взаимоотношений с центром, своеобразные для каждого региона механизмы разделения полномочий с Москвой, а также способы контроля за региональными ресурсами. Третьи имеют в виду сепаратную, сепаратистскую политику местных политических лидеров.

Несмотря на многочисленные декларации политологов и социологов, изучающих проблемы регионализации, о необходимости преодоления оппозиции «центр-периферия», наблюдается совершенно обратное. Методологической ос-

* Работа выполнена в рамках проекта «Природа, механизмы, перспективы современных социальных конфликтов: этническая и региональная составляющие (на примере Поволжья)» при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (№ 00-03-00379).

новой многих серьезных исследований оказывается выявление *специфики взаимоотношений исследуемого региона с центром*. Создается впечатление, что активность всех акторов, проживающих в России вне Москвы, заключается в том, чтобы «обесстоличить» центр и глобализовать провинцию до значения, сравнимого со значением столицы. Это же наблюдение вполне можно отнести и к компаративистским исследованиям, сравнивающим регионы между собой. Казалось бы, такие исследования целиком должны быть построены на вычлениении именно региональной специфики, сопоставлении между собой своеобразия, своеобразности регионов. Понятно, что критерии сравнения должны быть сопоставимы между собой, то есть в определенной мере универсальны. Как правило, за универсальность почему-то берется пресловутый механизм взаимоотношений с центром. Вопрос «почему все складывается именно так, а в другой области по-другому?» либо не ставится исследователем, обнаружившим различия, либо ответ на него ищется в политической сфере, в сфере деятельности властвующих элит. Анализ почти никогда не «опускается вниз».

В данной статье мне бы хотелось предложить вариант исследования, когда противопоставление «центр-периферия» не присутствует в анализе процессов, которые формируют региональную специфику и позволяют выделять Средневолжский регион как некую самостоятельную целостность.

Формирующиеся «региология», «регионоведение» полностью укладываются в рамки структурной парадигмы, которая по-прежнему доминирует в социальных науках. В этом случае регион рассматривается как некая система, обладающая собственной структурой, своими элементами, внутренними и внешними связями. Согласуются цели и интересы участников системы, выясняется их функциональная необходимость — поле для исследований просто огромное. Регион изучается с исследовательской позиции «сверху», с «высоты птичьего полета». Имеется некое представление о том, какова «правильная» модель региона, какие элементы должны быть в ней представлены. В соответствии с данной таксономической моделью рассматриваются все реальные, «живые» проблемы. «Правильность» региональной модели во многом определяется принадлежностью самого исследователя тому или иному научно-теоретическому дискурсу, а также его вовлеченностью в реальные процессы, происходящие в регионе. В представленной статье мне бы хотелось предложить вариант анализа «снизу».

Еще одно предварительное замечание связано с тем, что в политологических и экономических исследованиях региональных проблем, как правило* присутствуют своеобразные «социетальные детерминанты». Политологи исходят из того, что существуют универсальные политические процессы, экономисты в своем анализе предполагают наличие макроэкономических процессов и закономерностей, характерных, скажем, для обществ с переходной экономикой. Такой подход имплицитно содержит представление о том, как «это должно быть на самом деле». На этой основе создается социетальная политологическая или экономическая матрица — модель. Далее, происходит сравнение живых, реальных процессов и имеющейся теоретической матрицы. (Я опускаю из-за самостоятельной сложности проблему обоснования научности, или объективности предлагаемой модели). «Социетальная детерминанта» приводит к тому, что очень легко в дальнейшем исследовании, с одной стороны, обнаружить

эмпирически наблюдаемое разнообразие процессов и явлений, а с другой стороны, гомогенизировать изучаемую область, обнаружить общие явления или процессы и сформировать под цель исследования абсолютно любую типологию.

В настоящей статье делается попытка выявить своеобразие социокультурных процессов, позволяющих выделить Среднее Поволжье в самостоятельный регион. За основу анализа возьмем складывающиеся в последнее время в регионе межэтнические взаимоотношения, которые во многом определяют и политические отношения.

Этническое своеобразие Среднего Поволжья

В последние два десятилетия этничность становится одной из существенных переменных современного общества, что контрастирует с теоретическими представлениями о современности, описываемой в универсалистских, глобалистских категориях. Это заставило ученых по-новому переосмыслить как природу этничности, так и характерологические признаки современности. Мифология так называемого «этнического возрождения» вызвала невиданный со времен распада колониальной системы рост этнического самосознания, который сопровождается ростом культурного плюрализма, а также различными вариациями сецессионных этнонационалистических движений.

Почему, в то время как по всем прогнозам этничность должна была к концу века тихо умереть, политика, основанная на экспансии этнического самосознания, возродилась во всемирном масштабе? И возрождение ли это? Может быть это — совершенно новый социальный феномен? Ответы на эти и многие другие вопросы, касающиеся реально сложившейся в мире этнической ситуации, привели к существенному пересмотру имевшихся теоретических представлений о *природе этнического*. В социальных науках (этнологии, социальной антропологии, культурологии, социологии) сформировались три основных теоретических направления в понимании этнического: примордиализм, инструментализм и конструктивизм, которые по-разному понимают и оценивают происходящее в этнической сфере.

Использование этнической риторики, апелляция к этнической солидарности оказываются на постсоветском пространстве важнейшими средствами для мобилизации людей на совместные действия. Актуальным становится изучение процессов и механизмов этнической мобилизации [Тишков, 1998; Комаровф].

Под *этнической мобилизацией* в данном исследовании понимается процесс усиления групповой сплоченности на основе преобладания этнической идентичности перед иными социальными солидарностями, что обеспечивает группе целостность, согласованность действий и определенным образом противопоставляет этническую группу иным социокультурным общностям. Этническая мобилизация оказывается мощным фактором и инструментом в борьбе за политическую власть.

Большинство исследований по проблеме этнической мобилизации обращены к развитым формам мобилизации этнической группы, к ситуации начавшегося межэтнического конфликта. В такого рода исследованиях изначально

присутствует изрядная доля ограниченности. Во-первых, невозможно оставаться в ситуации конфликта на позициях наблюдателя (конфликт обладает логикой тотальности). Во-вторых, в такой ситуации исследователь имеет дело с процессами, доведенными до крайней степени остроты и потому проявляющимися в превращенных формах, требующих дополнительной расшифровки. Латентные же процессы в сфере этничности долгое время не отслеживались. Но именно спокойные, благополучные регионы оказываются с исследовательской точки зрения (но не политической) более показательными и предпочтительными, так как конфликтные процессы находятся в них в скрытом, латентном состоянии и более приближены к своей естественной природе.

В этой связи представляет особый исследовательский интерес Средневожский регион, в частности, Ульяновская область. Существенным дифференцирующим фактором в данном регионе оказывается сложившаяся практика самосознания как представителя определенного этноса, его этнокультурная идентичность.

Нетрудно заметить сложность и многообразие Поволжского региона. Исследователи отмечают гетерогенность политических процессов, существенное разнообразие экономических моделей, значительную вариативность культурных и повседневных практик, складывающихся в каждом из субъектов Поволжского региона. Этот регион включает в себя Ульяновскую и Самарскую области, Татарстан, Чувашию и Мордовию.

Подчеркнем различие между феноменом соседского и феноменом пограничного сосуществования. Они очень близки и в какой-то степени пересекаются по смыслу, но при более детальном анализе имеют существенные отличия. В настоящее время в исследуемом регионе наблюдается переход от соседства этнических групп к состоянию их пограничного сосуществования.

Можно дать простое и емкое определение соседства и соседей. Соседи живут рядом и не мешают друг другу. Первый признак соседства (совместное проживание нескольких субъектов) с необходимостью дополняется вторым признаком — невмешательством. Как только возникает вмешательство, соседи перестают быть соседями и переходят в иное качество — они становятся друзьями, родственниками, врагами, недругами, кем-то еще, но не соседями.

Этническая история Средневожского региона показывает, что на протяжении более 400 лет народы, заселяющие Среднее Поволжье, проживали совместно и были все это время соседями. Я имею в виду татар, чувашей, мордву и русских. За это время в сознании этих четырех народов сформировалась соседская идентичность. Можно говорить о паттернах сознания, в которых закрепился и социально наследуется образ совместного добрососедского проживания. Факт совместного проживания стал естественной установкой, а сформированная в Среднем Поволжье своеобразная культура имеет полиэтничную, смешанную основу. Это обнаруживается в языковых заимствованиях, в своеобразии сельских поселений, в пространственном размещении дома и придворных построек, в общих элементах культуры. Соседское проживание во многом «снижает» актуальную для сегодняшнего дня проблему выяснения, кто более «коренной» на данной территории, а в конечном счете, проблему территориальных претензий и притязаний. Коренными народами можно считать все че-

Таблица 1 «Профиль идентичностей» (доля ответов «часто» и «очень часто» на вопрос «С кем Вы себя можете объединить в группу «Мы»?), в %

	Представители своего народа	Волжане	Граждане бывшего СССР	Россияне	Жители Ульяновской области	Жители одного города (села)	Родственники
Русские	76,5	74,2	66,8	81,6	77	74,3	75,5
Татары	88,4	61,1	58,5	77,7	83,5	87,5	81,2
Чуваши	77,9	61,9	63,7	65,6	77,4	76,1	75,9
Мордва	73,7	67,8	64,3	66,3	70,8	78,1	92,9

тыре народа. Русские, татары, мордва и чувашы, издавна проживающие на данной территории, оказываются в равной мере коренными народами*.

Совместность проживания предполагает определенный «ответ» соседствующих народов на эту ситуацию. Осознание совместного жизненного мира имеет разнообразные последствия, включая частичную ассимиляцию, диффузию (например, христианизация чувашей, переписывание мордовских сел в русские и т.д.).

Феномен соседства предполагает общую территорию. Помимо «своей» зоны (территории), где доминирует тот или иной этнос, происходит совместное освоение социального пространства. Возникает представление об общей границе, за которой живут «они», «чужие», отличающиеся от «нас». Это зона, где происходит символическое переkreщивание культур, социальных отношений. Соседство формирует специфическую идентичность, определенное самосознание, которое выходит за рамки национального, этнического самосознания — территориальную общность, в основе которой лежит признак совместного проживания, например, «мы — волжане». Так, в конце 1980-х — начале 1990-х годов был сформирован миф об Ульяновском регионе как «островке социализма или застоя», ибо там искусственно поддерживались дотационные цены, доминировало принудительное распределение производимой продукции и прибыли от ее реализации, не были еще отменены продовольственные талоны. В результате была значима областная идентичность, солидарность с группой «мы — жители Ульяновской области». Исследование 1997—1998 гг. показывает, что уровень этнической идентичности и уровень территориальной (областной) солидарности оказываются примерно одинаковыми (табл. 1).

Важными для выявления исходных предпосылок процессов этнической мобилизации оказываются мировоззренческие различия между исследуемыми группами.

Татары представляют собой этно-религиозную группу, резко отличающуюся от преимущественно православных вероисповедальных групп. В ситуации религиозного возрождения, даже при условии религиозной толерантности, актуализация религиозных ценностей становится важным различием, а ислам выступает мощной объединяющей силой.

* Так, по данным переписи 1989 г., в Ульяновской области сложилось следующее соотношение коренных народов Среднего Поволжья: русские — 72,83 %; татары — 11,4 %; чувашы — 8,35 %; мордва — 4,37 %.

В социокультурных условиях, когда все более обнаруживает себя глобальный конфликт между христианско-европейским и исламско-восточным мирами, все чаще зоны непосредственного, интенсивного межэтнического взаимодействия становятся взрывоопасной территорией, чреватой нарастанием конфликтных ситуаций, эскалацией этнической нетерпимости. В таких зонах происходит явная или латентная этническая мобилизация.

Анализ деятельности культурно-просветительских организаций показывает, что происходит активное освоение этнической культуры, главным образом, языка, возрождаются религиозные праздники и даже прежде забытые культы. Идет апелляция к далекому прошлому как источнику легитимности или несправедливости сегодняшнего состояния. Этническая мобилизация предполагает эмоционально-ценностное отношение к прошлому, которое воображается и конструируется этноориентированными интеллектуалами. В этом отношении выделяются татары: возникло движение за переименование в «болгар» или «булгар», потомков Волжской Булгарии, государства, существовавшего до XIV в. на территории Средней Волги. В Татарстане около 200 человек сменили национальность в паспорте с записи «татарин» на запись «болгар». В Ульяновской области отмечаются пока единичные случаи. Смысл движения очевиден — установить родственную и, соответственно, преемственную связь с народом, издревле проживавшим на данной территории и имевшим развитую культуру и государственность. Название «татары» в России ассоциируется с монгольскими воинами, впервые появившимися на территории Средней Волги в XIII в. в составе войск Чингисхана как захватчики, и в настоящее время, в ситуации возможных территориальных претензий, просто невыгодно.

На территории Ульяновской области действуют многочисленные общественные организации и культурно-просветительские объединения, имеющие этническую основу. Практически все исследуемые организации и общества были зарегистрированы в 1990—1992 гг. Обнаруживается схожесть «биографий» этноориентированных организаций. На втором — третьем году существования изменяется идеология организаций в направлении усиления политического аспекта, организация стремится заявить о себе как об акторе не только культурного, но и политического поля. Важнейшим признаком этого изменения оказывается смена типа лидерства (либо непосредственно происходит замена руководителя, либо он сам дрейфует в сторону политического позиционирования). В 1998 г. возникли две «национально-культурные автономии»: татарская и чувашская. На начало 1999 г. приходится также объединение мордовских обществ в аналогичную автономию. Смысл автономии заключается в объединении различных обществ в одну организацию и представительстве этнической группы в органах областной исполнительной власти.

В интервью с руководителями организаций усиление политического аспекта проявляется в виде оппозиции «раньше — сейчас»: «Это было до меня»; «раньше у нас были другие задачи», «сейчас мы хотим заявить о себе, что мы есть».

В социологической литературе выделяется два типа национализма [Хабермас]: 1) дополитический (внеполитический) национализм, когда подчеркивается родовая, примордиальная идентичность на основе этнокультурных признаков; 2) гражданский национализм, в основе которого лежит политическая,

гражданская идентичность. Эти две идентичности, переплетаясь, сосуществуют в реальности. Между ними нет хронологической или диахронной связи. Можно лишь говорить о доминировании (преобладании) того или иного типа групповой солидарности. Данный подход позволяет разделить имеющиеся этноориентированные организации на два типа. К первому типу относятся организации дополитического типа, которые осваивают культурную составляющую этноса, не затрагивая политические проблемы, в частности, проблемы представительства народа в органах власти различных уровней. Ко второму типу относятся организации, которые используют этническую риторику для достижения политических целей в борьбе за обладание какими-либо ресурсами.

Несмотря на «дрейф» организаций в сторону усиления политической составляющей, этническая мобилизация в Ульяновской области не переходит в фазу обострения и усиления этнической конфронтации. Причина этого заключается в своеобразной модели политико-экономического развития Ульяновской области в 1990-е годы. Пока существует монополия на власть в регионе, мобилизационный потенциал этнических групп остается невостребованным. По крайней мере, в избирательной риторике конца 1990-х годов этническая проблематика не звучала вовсе и не была представлена в программах кандидатов.

Этапы этнической мобилизации

Одним из основных аспектов изучения этнической мобилизации оказывается феномен этнической границы [Barth]. Существенное значение имеют территориальная, символическая, временная составляющие этнической границы.

В этой связи можно предложить теоретическую модель, позволяющую описать механизм *этнизации* социального пространства. В основе этой модели лежит принятая в феноменологической парадигме конструктивистская концепция этничности [Anderson; Тишков, 1997]. Под этносом понимается устойчивая, реально существующая или существовавшая в прошлом группа, обладающая набором этнодифференцирующих признаков или маркеров, что позволяет ей создавать собственное символическое пространство, в рамках которого участники этой группы проявляют свою этничность, то есть обладают этническим самоопределением. Важным является то, что этнические общности представляют собой символические социальные конструкции, обладающие собственной границей. Внутри этой конструкции существует разделяемое ее членами представление о принадлежности к общности по ряду узнаваемых признаков, то есть этническая идентичность, обеспечивающая групповую солидарность. Такое конструирование осуществляется благодаря целенаправленной деятельности людей и соответствующих социальных институтов. Символические границы, в которых преобладает этническая идентичность, устанавливаются произвольно, путем актуализации случайного, но существенно значимого для представителей группы в данный момент и в данной ситуации набора этнодифференцирующих маркеров. В условиях стабильного межэтнического взаимодействия эти границы признаются другими общностями.

Однако границы даже в условиях стабильных и благополучных отношений постоянно переопределяются участниками межэтнических взаимодействий. Значимость имеют те культурные признаки, которые позволяют маркировать различия этнических границ групп. Культурные маркеры в обыденном сознании принимаются за объективные признаки («историческая общность с общей историей и культурой») этноса. В зависимости от способа и условий проживания (компактно, диффузно), а также этнической общности (татары, мордва, чуваша) культурные маркеры, задающие границы этноса, могут изменяться (их становится больше или меньше, появляются другие), а в соответствии с этим могут меняться и границы, то есть этническое пространство. Происходит переконструирование этничности в рамках одного этноса, фиксируется ситуативная этничность.

Границы символических социальных полей, которые конституируются доминированием этнической идентичности, не абсолютны. Такие социальные поля могут как расширяться, так и сокращаться. Основными факторами изменения границ являются: способ проживания (чем более рассеянное проживание, тем меньше пространство этничности) и инструментальное использование этничности этнонационалистическими деятелями. Так, навязываемое представление об утрате этнической группой какого-либо значимого этнообразующего признака ведет к борьбе за расширение границ данных символических полей.

Этническая мобилизация проходит следующие *этапы*:

а) Этап «расставления пограничных столбов». На данном этапе интеллектуалами обнаруживаются и выделяются культурные маркеры, которые, с одной стороны, выделяют группу на фоне других, делают межгрупповые границы непрозрачными (функция этнодифференциации), а с другой стороны, усиливают внутригрупповую этническую солидарность, объединяют группу вокруг общих признаков (функция этноинтеграции). Чем меньшим энергетическим и культурно наследуемым потенциалом обладает этническая группа, чем меньше она отделяет себя как культурный субъект от доминирующей группы, тем больше этнообразующих признаков (маркеров) приходится актуализировать для поддержания этнокультурной самоидентичности. «Свое» пространство (и как территория, и как дискурс) сужается в условиях рассеянного проживания до размеров семейно-бытовой сферы, практически не проявляясь во внесемейных социальных отношениях, в профессиональной сфере, в сфере образования и повышения квалификации.

б) Этап «маргинализации» этноса, этнической группы по принципу «как много мы утратили!». На этом этапе осуществляется тотальное формирование комплекса групповой неполноценности по отношению к предшествующим этапам исторического и культурного развития этноса. У всех исследуемых этнических меньшинств (татар, чувашей, мордвы) в той или иной мере обнаруживаются признаки данного маргинального комплекса (табл. 2). Совокупный индекс «уровень социальной и культурной маргинальное™» был получен нами как сочетание положительных ответов на вопросы: «Были ли за последние пять—шесть лет в Вашей жизни или жизни Вашей семьи серьезные перемены к худшему, круто изменившие Вашу судьбу?» и «Мой народ теряет свою культуру».

На этом этапе, как и на первом, ведущую роль продолжают играть этноориентированные, дополитически настроенные интеллектуалы.

Таблица 2 Доля респондентов с высоким уровнем социальной и культурной маргинальности, в %

	Высокий уровень социальной и культурной маргинальности (серьезные перемены как утраты в судьбе + ощущение утраты национальной культуры)	
	Рассеянное проживание	Компактное проживание
Татары	21,6	16,3
Чуваши	22,7	21,1
Мордва	27,2	22,8

в) Этап артикуляции целей и выбранных средств для изменения сложившегося положения и достижения проектируемых состояний. Этот этап сопровождается расширением признанных границ этничности и экспансией на «чужие символические территории».

В последнее время происходит серьезное и достаточно резкое изменение в феномене соседства. Нарушается принцип невмешательства. Причем под вмешательством/невмешательством следует понимать не только и не столько физическое вторжение в иное пространство, захват, притязания на территорию другого народа или субъекта Федерации, сколько вторжение в его символическое поле. Нарушение символического равновесия приводит к тому, что соседство сменяется пограничным состоянием, при котором рядом живущий воспринимается не как продолжение сложившейся общности, а как чужой, кому «мы» должны противостоять.

Такое изменение произошло на Среднем Поволжье в связи с возникновением трех этнонациональных центров. Наличие национально ориентированных республик становится существенным фактором, изменяющий ситуацию в данном регионе.

г) Этап непосредственной мобилизации группы для совместных действий. Если предыдущие этапы вели к усилению групповой сплоченности, эмансипации группы, расширению символического социального пространства, то на этом этапе происходит перерастание мирных отношений в открытые межэтнические конфликты. Проведенное исследование показало, что на территории Ульяновской области практически отсутствуют зоны открытых межнациональных конфликтов. Анализ региональной прессы, интервью с экспертами, проведение фокус-групп, анкетирование населения — все исследовательские методы подтверждают данный вывод. Межэтническая обстановка в области остается благополучной, сохраняется высокий уровень этнической толерантности, преобладают позитивные этнические гетеростереотипы.

Формы осуществления этнической мобилизации следующие,

а) Легитимные:

- уставная деятельность общественных организаций и движений;
- совместные «мероприятия» (праздники, собрания, визиты в регион «высоких» гостей, творческие встречи, выставки и др.), в которые вовлекаются не только члены организаций, но и другие граждане, представители соответствующего этноса;

- территориальные органы самоуправления (например, религиозные приходы и сельские сходы);
- национальные средства массовой информации.

Проведенный анализ выявил, что ни одна из легитимных форм как на уровне деклараций, так и на уровне конкретных действий не несет в себе деструктивного содержания, направленного на разжигание межэтнической вражды. Такого рода деятельность обеспечивает в регионе ситуацию этнокультурного плюрализма.

б) Латентные, скрытые:

- этнизация профессиональной деятельности.

Профессиональное сообщество и профессиональная солидарность основываются на функционально-рациональном распределении обязанностей, а также на принятии сообществом профессионального этоса (ценностей) и распространенных социально-профессиональных стилей (практик). В основе профессиональной группы должны лежать анонимно-личностные связи. Однако такой тип связи заменяется в процессе этнизации профессиональной группы клиенталистскими связями, которые основаны на знакомстве, личной взаимозависимости и взаимной преданности. Возникающая при этом зона доверия — это не анонимно-функциональное, а лично-заинтересованное доверие. Профессиональный коллектив, имеющий этническую составляющую, обладает как бы двумя рядами маркеров, выполняющих двойственную задачу профессиональной и этнической идентификации. Это усиливает групповую солидарность и позволяет говорить о процессе этнизации как о форме этнической мобилизации.

- институт эмиссарства.

Институт эмиссарства основан на регулярных визитах (на официальном и неофициальном уровнях) религиозных и культурных деятелей, что становится поводом для многочисленных встреч. Визитеры чаще всего приезжают из Узбекистана, Саудовской Аравии и Татарстана.

В Ульяновской области обнаруживаются латентные процессы по одностороннему, произвольному расширению символических полей со стороны татар. Ими осуществляется определенная экспансия границ этнического, выдаваемая их лидерами за национальную эмансипацию и «возрождение культуры».

Материалы исследования позволяют рассмотреть процесс конструирования многоуровневой личной идентичности, особенно в связи с внеэтническими территориальными, гражданскими (национальными), религиозными солидарностями. Понятие «мь» настолько многопланово, что не укладывается в схему бинарных оппозиций «мы — они», «свои — чужие».

В условиях общероссийского системного кризиса стали возникать и отрабатываться различные стратегии индивидуальной и коллективной социальной адаптации. Среди наиболее распространенных адаптационных моделей выделяется усиление групповой солидарности. В ситуации нестабильности и неопределенности возникает установка на поиск как бы естественной, исконной, «примордиальной» социокультурной ниши, своеобразного укрытия. Повседневность превращается в пространство риска, но одновременно именно в повседневности обнаруживаются структуры, способные защитить. Этнокультурная идентичность оказывается одной из немногих значимых социальных идентичностей.

тей, выполняющих адаптивную функцию. Возникающая ситуация воспринимается наблюдателями как процесс «этнического возрождения», а самими действующими — как «приобщение к корням», обращение к естественным, никогда не подводящим группам «своих». При этом наблюдается усиление значимости этнической идентичности перед иными солидарностями, происходит процесс этнизации социального пространства.

От соседства к пограничью

Идеальная логика процесса этнической мобилизации выглядит следующим образом.

1. Ситуация межэтнического взаимодействия как соседства («нулевой», исходный уровень).

Для данной ситуации характерно различие внеэтнических и этнических социальных практик. *Внеэтнические социальные практики* рассматриваются как результат возникновения и устойчивого существования профессиональных, территориальных, имущественных, статусных идентичностей, культурной и других солидарностей. Эти практики воплощаются в структурах, которые игнорируют этничность как значимую для них солидарность. Этническое оказывается ненужным, избыточным по отношению к качеству этих отношений.

Этнические социальные практики раскрываются через сформированную и реализуемую личную и групповую этническую идентичность, которая, с одной стороны, вплетена в сложную конфигурацию различных социальных идентичностей, а с другой стороны, локализована в конкретных социальных обстоятельствах. Пространства, где доминирует этническая идентичность, ограничены сферой повседневного и семейного общения, деятельностью этнокультурных, просветительских организаций, этно-конфессиональной жизнью.

Данный тип взаимодействия заключается, во-первых, в разделении сфер действия внеэтнических и этнических практик, своеобразном «удвоении» социальной реальности, а во-вторых, в доминировании принципа невмешательства в символические этнические пространства проживающих по соседству этнических групп.

При описании такого типа ситуации аутентично «работает» примордиалистское понимание этничности. Примордиализм (понимаемый в самом широком значении как обращение к «корням») используется участниками межэтнического взаимодействия для придания смыслов и значений своим действиям, а также внешними наблюдателями, исследователями для интерпретации происходящего. Исконность, естественность как этнической принадлежности, так и этнообразующих признаков, маркирующих границы этнического, с точки зрения исследователя, понимается как трансляция в поколениях представления о себе как об исключительной, инаковой группе в сравнении с соседствующими народами. Этнофоры исключают из рефлексии проблему условности «объективных» признаков и генеалогической случайности их обретения. Их представления базируются на естественной уникальности и историко-культурной неповторимости собственной группы и ее культуры. Возникает интерсубъективная, интергрупповая реальность (так как другие этнические группы также

признают эту реальность, что и оказывается основой феномена соседства как невмешательства в другие символические пространства). Эта интерсубъективная реальность принимается участниками взаимодействий за объективную, санкционированную давней традицией.

2. Ситуация конструирования этнической проблематики и борьбы за доминирование этнических проблем над другими социальными проблемами. Этот тип ситуации характеризуется идеологизацией уже имеющихся организаций, а также возникновением новых. Основными акторами процесса проблематизации межэтнического взаимодействия оказываются представители интеллигенции, творческих профессий, ученые (в первую очередь гуманитарии), деятели культуры. Возникает тип лидера-просветителя, «раскрывающего глаза» представителям своей группы на утрату исконности, отступление, отход от традиции. Основной способ борьбы за этническую проблематику — апелляция к утрачиваемым примордиальным этнообразующим признакам, своеобразная маргинализация этнического сообщества. В групповое сознание внедряется представление об ущербности, ущемленности, «остаточности» этнообразующих маркеров, комплекс этнокультурной неполноценности.

На этом этапе «этнические» лидеры пытаются заинтересовать власти этнической проблематикой, признать ее. Со временем этническое проблематизируется как со стороны участников этнических отношений, так и со стороны представителей власти. Осознание проблемы неизбежно ведет к активности по ее «разрешению». Наблюдается «забота» властей относительно этноориентированных организаций. Это выражается в признании значимости выдвигаемых требований, а также в институциональном представительстве данного этнического сообщества в средствах массовой информации, органах образования, структурах власти и т.д.

Для такой ситуации наиболее адекватным оказывается инструменталистский дискурс понимания этничности. В мотивах и интересах действующих присутствует внеэтническая компонента. Внеэтнические контексты этнических отношений довольно разнообразны: этническое лидерство как сублимация психологических, личностных характеристик активистов; этничность как ресурс легитимации власти; этничность как способ борьбы за власть конкретного уровня и т.д. Разделенность социальной реальности на этническую и внеэтническую исчезает за счет эмансипации, расширения внеэтнического контекста на этнические социальные практики. Этничность выступает инструментом достижения внеэтнических целей.

3. Ситуация межэтнического взаимодействия в форме нарастания конфликта. При изменении ситуации (или восприятии акторами ситуации как изменившейся) — это может быть вызвано возникновением сильного этногосударственного центра, исчерпанием ресурсов власти у политических лидеров, маргинализацией этнической общности, изменением установок и идеологии доминирующего большинства, появлением новой когорты политиков и т. д. - происходит переконструирование этнической идентичности путем актуализации иных этнообразующих признаков. Возникает иное отношение, по-прежнему называемое этничностью. Символическое этническое пространство расширяется, выходя за привычные и принятые другими границы. Это создает условия для пересечения с другими символическими территориями. Возникающая

референтная тема обладает мобилизующим потенциалом. Например, тема утраты этносом чего-нибудь мифически легендарного (территории, языка, веры и пр.) или тема обретения (например, государственности). Пересекающиеся символические территории — это зона, которую можно определить как пограничье, обладающее взрывоопасным потенциалом.

Изменяется тип лидера. Им становится не просветитель, а политик, ведущий за собой этническую общность, призывающий к активным действиям. Группа становится мобилизованной.

Можно выделить три обстоятельства, участвовавшие в усилении и внедрении в сознание этнической идеи. Во-первых, большое значение имеет существование группы интеллектуалов, занимающихся ее формулированием — группы историков, литераторов, преподавателей, ученых, творческих работников, то есть так называемых «властителей дум». Во-вторых, негласно проводимая политика этнокультурного представительства в органах власти позволяет не только артикулировать этнические идеи, но и переводить их реализацию в план политического действия. В-третьих, во времена быстрых общественных перемен простые люди реально нуждаются в так называемых «традиционных ценностях», что открывает широкие возможности для принятия ими новых идеологий.

В рамках конструктивизма этничность понимается не как некоторая данность, но как результат созидания, как инновационный акт творческого воображения. Очень сложным путем и благодаря действию многих механизмов этническое сознание, однажды зародившись, развивается путем последовательных переопределений на всех уровнях личности, группы и общества. Со временем оно стремится к проецированию себя на все более обширные социальные пространства. Процесс социального конструирования происходит и на индивидуальном, и на групповом уровнях; в ходе бесчисленного множества взаимодействий в обыденной жизни индивиды участвуют в постоянном процессе определения и переопределения самих себя. Самосознание понимается не как некая «фиксированная суть», а как «стратегическое самоутверждение» [Янг, с. 117].

В ситуации пограничного существования наблюдается эмансипация и расширение этнических социальных практик, которые начинают раскрываться и на иноэтническом материале, что практически неизбежно ведет к нарастанию конфликтного потенциала в обществе.

Выделенные три этапа представляют собой идеальные типы уровней межэтнических взаимодействий, которые в реальной практике не сменяют друг друга, а существуют одновременно, в каждый конкретный момент времени.

Следует также заметить, что в Среднем Поволжье тенденция групповой мобилизации характерна для татарского населения и менее выражена у других этнических групп — мордвы и чувашей.

Конкретная практика существования и развития народов Поволжья свидетельствует, что мобилизационный потенциал у различных этносов различен. Появляется необходимость государственного (административного, регионального) управления, направленного, в одних случаях, на инициирование этнической мобилизации с целью сохранения и возрождения национальной культуры, а в других случаях, на ограничение активности этнических лидеров и националистически настроенных общественных организаций с целью обеспе-

чения прав других народов, проживающих на данной территории. Перед государственными органами встает задача выработать взвешенную региональную политику в области межэтнического взаимодействия, которая позволила бы избегать конфликтных ситуаций, обеспечивала бы консенсус государственных (национальных) и этнических интересов в регионе.

Литература

1. *Комарофф Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции. М., 1994. С. 35 - 70.
2. *Тишков В.А.* Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3 — 27.
3. *Тишков В.А.* О феномене этничности // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3-21.
4. *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // *Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность. — М., 1995. С. 211 - 213.
5. *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции. М., 1994.
6. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Orogen and Spread of Nationalism. L., 1983.
7. *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Oslo, 1969.